

—

— Мои дед с бабкой как раз и уцепились за то, что я забеременел, и теперь могу прочно обосноваться в семье Цзи, раз уж осмелились завести такие речи! — подал голос и Цянь Сюэчэн. Голос его слегка осип. Даже если у семьи Цзи есть свое ремесло и умение, то передаваться оно должно их собственным детям, и уж точно нет никаких причин брать учеников из семьи Цянь.

— И как же все разрешилось? — Цзи Жунся все еще не понимал, откуда во дворе взялись Цао-гэр и Сяо Хэ.

— Я им так и сказала: мол, в деле с учеником мы с Чэн-гэром вдвоем решать не вправе, уж лучше мы возьмем с собой девчущку, чтобы помогала по хозяйству. Заодно, дескать, и в уезде побудет, свет увидит. Даже если в уезде ей хорошего мужа не сыщется, то по возвращении в деревню ее все равно охотнее замуж возьмут. А тут как раз ты замуж вышел, комната твоя освободилась, вот ее туда и можно поселить, — Хун Юэлянь тоже не хотелось наживать себе лишних хлопот, но семье Цзи еще какое-то время придется покупать у семьи Цянь древесину и бамбук, так что портить отношения окончательно было нельзя.

— Но они снова начали спорить из-за того, кого именно отправить, и Чэн-гэра до слез довели.

Цянь Сюэчэн поспешно добавил:

— Я ведь из старшей ветви, но у нас в старшей ветви нет детей подходящего возраста. Я-то думал забрать Сяо Хэ из третьей ветви — ей в этом году тринадцать исполнилось, проживет года два в уезде, как раз придет пора о замужестве сговариваться. Но дед с бабкой из кожи вон лезли, заставляя меня взять Сяо Лянь из четвертой ветви, а ей в этом году всего четыре года! Когда она придет, я буду о ней заботиться или матушка? Я упрямо не соглашался, поэтому и удалось забрать Сяо Хэ.

Цзи Жунся слушал все это, и у него голова шла кругом. По его мнению, в семье Цянь было слишком много народу, он их всех и запомнить-то не мог.

Он лишь примерно знал, что у семьи Цянь было четверо взрослых сыновей и две взрослые дочери; дочери давно вышли замуж, а сыновья все обзавелись женами.

От матери Цзи Жунся слышал, что старший и второй сыновья в семье Цянь были работающими да справными. Но несколько лет назад второй сын отправился на охоту и угодил в капкан. Когда горные охотники обнаружили его, он уже испустил дух, оставив после себя лишь ребенка в утробе матери — им и оказался Цао-гэр. Как только дитя появилось на свет и его мать увидела, что это маленький гэр, она тут же переметнулась в другую семью, выйдя замуж повторно.

Третий сын был посмышленнее, любил полениться, но работать все же умел. А вот четвертый сын никуда не годился: будучи младшим, он рос в такой неге и баловстве, что к крестьянскому труду почти не притрагивался. Поговаривали, будто он даже учился несколько лет, но в итоге из этого учения ничего путного так и не вышло.

Цзи Жунся захлопал глазами:

— Но как же тогда здесь очутился Цао-гэр?

Хун Юэлянь при упоминании об этом снова немного рассердилась, но вспомнив, что Цао-гэр — всего лишь восьмилетний ребенок, так и не смогла сердиться всерьез:

— Он сам сюда пришёл.

— Сам пришёл?! Из деревни? В такую даль? — Цзи Жунся в изумлении округлил глаза.

— А то как же! — Хун Юэлянь приглушила голос. — Ни отца, ни матери у него нет, в доме семьи Цянь он вечно ходил полуголодным. Во всей семье только Чэн-гэр да Сяо Хэ, как старшие, жалели его и тайком давали какую-никакую еду. А как Сяо Хэ уехала, у него на душе от страха все перевернулось — испугался, что просто не выживет там, вот сегодня утром и прибежал. Теперь гони его — не уйдет.

— Ты бы видел, в каком виде он явился: одежонка вся в лохмотьях, но чистая-пречистая, до блеска выстиранная. От Сяо Хэ я узнала, что в доме семьи Цянь всю одежду стирал он один, такой малец! Сейчас, пока тепло, он по ночам сам на речку ходил мыться — чистоту любит. Посмотрела я на него — и сердце кровью облилось.

Цзи Жунся подумал про себя: «Сам добрался из деревни до уездного города и по дороге ни в какую беду не попал — ну и шустрый же ребенок».

Хун Юэлянь тем временем продолжала:

— Малыш едва пришел — сразу и за топор взялся дрова колоть, и у корыта помогать принялся.

— Жалко его до слез, вот я и подумала: если уж совсем дело худо будет, пусть остается, хоть Сяо Хэ веселее будет.

— У меня тоже выхода не было, пришлось снова туда ехать, чтобы известить семью Цянь. Так они, представь себе, заявили, что пусть Сяо Лянь сюда едет, а Цао-гэра надо вернуть! Ты не поверишь, Цянь Лаосы* со своей женой прямо за руку притащили Сяо Лянь к порогу, требуя обменять ее на Цао-гэра. Тут уж Чэн-гэр не выдержал, вспылil и как закричит, что если они не уймутся, он пойдет к старосте со слезами — пусть все знают, что семья Цянь не желает кормить Цао-гэра, из-за чего тот прибежал к нему, уже замужнему гэру! Пускай тогда поглядят, останется ли у семьи Цянь после этого хоть какое-то лицо. Только так этого Цянь Лаосы с его женой и прогнали.

[*Лаосы (老弟, Lǎosì) — разговорное обращение, используемое для обозначения четвертого ребенка или четвертого брата в семье. Префикс «лао» в данном случае указывает не на возраст, а имеет только грамматическое значение и одновременно привносит оттенок близости.]

Цянь Сюэчэн был вне себя от злости, поэтому Хун Юэлянь велела ему пока укрыться в лавке и перевести дух.

— Твой отец со старшим братом сейчас отправились в дом семьи Цянь, это дело так оставлять нельзя. Чэн-гэр, слава богам, телом крепок и беременность переносит легко, оттого и не случилось с ним беды от такого расстройствa. Но нужно еще решить, как быть с зерном на содержание этих двоих детей у нас в доме, все это нужно обговорить должным образом. Твой отец с братом упрямы, в своем праве стоят твердо, я им строго-настрога наказала требовать все, что причитается, так что они точно справятся, — Хун Юэлянь говорила это Цзи Жунся, но на самом деле пыталась успокоить и Цянь Сюэчэна.

Поначалу она сама собиралась пойти с ними: отец Цзи и Цзи Жунху были не слишком говорливы, и ей самой взяться за это дело было бы куда сподручнее. Но видя, в каком состоянии находится Цянь Сюэчэн, Хун Юэлянь просто побоялась оставлять его дома одного.

Цянь Сюэчэн сидел, низко опустив голову. Из-за дел его родни в доме Цзи все перевернулось вверх дном, да еще и соседи по улице наверняка теперь смеются над ним — от этого Цянь Сюэчэну было невыразимо тяжело на сердце.

Цзи Жунся произнес:

— И впрямь нужно все разъяснить до конца, а то если оставить все как есть, люди еще подумают, будто нас можно безнаказанно обижать. Дед с бабкой из семьи Цянь совсем из ума выжили.

— Ничего они не выжили, они просто видят, что в нашей семье мужчин мало, вот и задумали прибрать к рукам нашу лавку. Они ведь хотели пристроить сына четвертого дяди в ученики, чтобы тот со временем перенял наше ремесло и выжил нас! Думают, я не вижу, что у них на уме? — Цянь Сюэчэн в сердцах вытер слезы платком.

Цзи Жунся, услышав это, тоже не на шутку рассердился.

— В крайнем случае, просто перестанем покупать у семьи Цянь древесину, впредь будем поменьше водиться с ними. А то они вообразили, будто мы им по гроб жизни обязаны, — Хун Юэлянь протянула руку и ласково похлопала Цянь Сюэчэна по спине.

— Угу, — Цянь Сюэчэн рассеянно кивнул.

— Гэ-фулан, мама, вы за это не переживайте. Мы с Танцзинем поднакопили серебра, со временем прикупим пашни, будем выращивать свое зерно и сами его есть, так что нам ни от кого зависеть не придется, — Цзи Жунся и самому было не по себе, но видя матушку и гэ-фулана в такой унынии, он поспешил весело улыбнуться.

— Ну хорошо, тогда твоя мать будет ждать, — Хун Юэлянь решила, что он просто пытается ее развеселить, и ответила без особого внимания.

— Мама, я вовсе не шучу. Гэ-фулан, я бы хотел попросить тебя разузнать для меня, нет ли где семей, желающих продать землю, — серьезно проговорил Цзи Жунся.

— Ты это серьезно? — ахнула Хун Юэлянь.

Гу Танцзинь подхватил разговор:

— Матушка, мы и впрямь скопили немного серебра и подумываем купить немного земли. Только пока не знаем, какое место лучше выбрать, да и людей для обработки пашни еще придется искать, так что мы решили не торопиться и выбирать не спеша.

Услышав это известие, Хун Юэлянь мигом позабыла о своих тревогах и так и просияла от радости, а Цянь Сюэчэн перестал плакать и с улыбкой спросил:

— Правда? Ну, тогда я обязательно все для вас разузнаю, я ведь окрестные деревни вокруг уезда знаю как свои пять пальцев.

— Вот и славно, спасибо тебе, гэ-фулан, — видя, что Цянь Сюэчэн немного повеселел, Цзи

Жунся добавил: — И это еще не все! Отец разрешил мне сегодня встать к плите и приготовить жареные яйца, так что теперь я могу самостоятельно готовить в ресторане!!!

— Ох ты батюшки, да ведь это великая радость! Вот видишь, Чэн-гэр, а я тебе говорила — не бери в голову всякие глупости. Погляди, какая удача нашему Ся-гэру улыбнулась, да и нашему дому судьба благоволит. Ребенок в твоём чреве точно родится крепким и здоровым, — всплеснула руками Хун Юэлянь.

Цянь Сюэчэн утер глаза платком и с улыбкой закивал:

— И впрямь радость, Ся-гэр ведь совсем недолго учится, а уже может сам у плиты стоять, какой молодец.

— Да ладно вам, ничего особенного, — с напускной скромностью отмахнулся Цзи Жунся, притворяясь, будто это сущие пустяки, хотя в глубине души у него самого все пело от гордости.

Тем временем во дворе.

Сяо Хэ тихо-тихо проговорила:

— Цао-гэр, ты только не бойся. Если уж придется уходить, мы вместе домой вернемся. Только ты не вздумай снова втихаря один сбежать — если я тебя опять поймаю, вообще разговаривать с тобой не стану.

Цао-гэр сидел на корточках на земле и мотал головой:

— Но если ты останешься здесь, сестра, ты сможешь выйти замуж за хорошего человека.

Сяо Хэ поджала губы и ответила:

— Ну... ну и что, я и в деревне смогу замуж за хорошего человека выйти.

— Третий дядя побьет тебя.

— Кожа у меня толстая, не побоюсь, пусть бьет, если хочет.

— Сестра, а я ведь совсем бесстыжий, да? Сам прибежал, да еще и тебя за собой вниз тяну.

— Да брось ты, не слушай, что там четвертый дядя со своей женой плетут. Ты просто не знаешь: дед с бабкой хотели подослать сюда Да Шу, чтобы тот тайком перенимал плотницкое ремесло у семьи Цзи — вот уж у кого стыда ни капли нет! Мне об этом даже вслух говорить неловко, — Сяо Хэ скривила рот. Она никак не могла взять в толк: разве первый дядя, второй дядя или ее собственный отец уступали в чем-то четвертому дяде? Да и две тетки были почтительными и послушными, так почему же дед с бабкой так без памяти баловали именно четвертого дядю и его детей?

Цао-гэр удивился:

— Сестра, а ты-то откуда про это узнала?

— От отца с матерью слышала. Наша родня со сватами не может ведь совсем знаться перестать. К тому же первый дядя с теткой вовсе не безразличны к Чэн-гэру — если бы Чэн-гэр совсем отвернулся от родного дома, это было бы не по-людски. Дед с бабкой просто никак не ожидали, что тетушка Хун позовет меня! Раз уж я здесь, то Да Шу и остальным сюда ходу нет.

Тетушка Хун такая умная! Я слышала, как тетушка Хун говорила, что дядя Цзи и старший брат Цзи отправились к нам в деревню, чтобы требовать рис и муку на наше пропитание, и деду с бабкой волей-неволей придется их отдать!

Цао-гэр слушал, понимая лишь половину. Он знал, что прибегать тайком было нехорошо, но если бы Чэн-гэр и шестая сестра уехали, он бы просто не знал, как ему выжить дальше.

Теперь, услышав слова сестры Сяо Хэ, он немного успокоился:

— Если мне позволят остаться, я буду усердно помогать тетушке по хозяйству, сил-то у меня много.

Лишь бы кормили, ему и наедаться досыта не нужно, хватит и самой малости.

— Я буду работать вместе с тобой, я тут уже все осмотрела — дворик маленький, работы здесь куда меньше, чем в деревне. А как со всеми делами управимся, можно будет плести соломенные сандалии да вышивать платки, я тебя потом научу.

— Угу!

...

— Пойду-ка я проведаю Цао-гэра и Сяо Хэ, у этих двоих детей сейчас, верно, на душе кошки скребут, — Цянь Сюэчэн утер лицо и, собравшись с силами, вознамерился выйти во двор.

— Давай лучше я пойду, вид у меня добрый, я их точно не напугаю. Заодно и юаньсяо отварю, да лепешки подогрею, чуть позже все вместе поедем. После такой суматохи вы наверняка не поели, — Цзи Жунся поднялся с места, и Гу Танцзинь последовал его примеру.

Хун Юэлянь хотела было их удержать, но Цзи Жунся мягко усадил ее обратно:

— Мама, ты посиди с гэ-фуланом. Если у него вдруг живот прихватит, ты, как человек знающий, хоть помочь сможешь. А мы с Танцзинем в этом деле совсем ничего не смыслим, останемся тут — все равно ничем не поможем, а если что случится, только растеряемся.

Хун Юэлянь поддалась на уговоры и осталась.

Цзи Жунся увлек Гу Танцзиня на кухню. Кухня в доме Цзи была совсем крошечной, и когда они вошли туда вдвоем, внутри сразу стало тесно.

Зато теперь они могли поговорить без лишних ушей.

Как только Цзи Жунся и Гу Танцзинь вышли, сидевшие во дворе дети притихли, словно напуганные перепелки. Буквально миг назад они жались друг к другу и о чем-то шептались, а теперь сидели смиренно и тихо.

— Боже мой, в комнате я и заговорить об этом не смел, ну и каша заварилась! Мама, конечно, придумала странный способ, но, надо признать, весьма дельный, — зашептал Цзи Жунся, придвигаясь к Гу Танцзиню.

Гу Танцзинь наклонился, чтобы разжечь огонь в печи, а затем поднялся и тихо подсказал Цзи Жунся на ухо:

— Если ты не спокоен, пусть тот «дух» разузнает, о чем эти двое детей толковали во дворе.

Если они окажутся славными ребятами, то задумка матушки принесет лишь пользу. Помощников в доме и впрямь маловато, гэ-фулан сейчас беременный, ему нельзя перетруждаться, а если кто-то подсобит по хозяйству, в доме сразу станет полегче.

— Так можно? Ну и умный ты, сразу выход найдешь, — Цзи Жунся потер ладони и поспешно обратился в мыслях к системе: — Система, о чем они там говорили? Перескажи-ка мне, ты ведь можешь видеть все в пределах тридцати чи?

Система Бога Кулинарии: «.....»

Она и сама не знала, что ее можно использовать подобным образом.

Ни один хозяин до сих пор до такого не додумывался!!!

Впрочем, в разговоре детей не было никаких чужих тайн, так что система без утайки повторила все Цзи Жунся.

У Цзи Жунся загорелись глаза: оба ребенка оказались добрыми и хорошими.

Это к лучшему, а то упаси небо вырастить человека с дурным сердцем.

Закончив пересказ, система со всей строгостью добавила: «Хозяин, я не имею права подглядывать за вашими личными делами или выведывать чужие тайны, так что далеко не всякие разговоры я смогу вам повторять».

Цзи Жунся тут же поднял три пальца и послушно пообещал:

— Ладно-ладно, обещаю, что не стану без крайней нужды заставлять тебя выведывать для меня вести!

Он лукаво повел глазами и с улыбкой добавил в мыслях:

— Когда дома все ладно, у меня и сил для работы больше прибавляется. Так что, система, твоя помощь мне — разве это не чистая выгода для общего дела?

Система Бога Кулинарии: «.....»

Ну хорошо, хорошо, хозяин ведь не нарушает никаких правил, так в чем же его винить?!

—

<http://bllate.org/book/17885/1730693>